

С. В. ЗАВАДСКИЙ.

ДВѢ ЗАМѢТКИ.

I. МѢДОКЪ ВЪ УАЛЛАХЪ.

Среди черновыхъ набросковъ Пушкина есть одинъ переводный отрывокъ изъ поэмы Соути „Мѣдокъ“. Подъ заголовкомъ его значится въ скобкахъ: „Мѣдокъ въ Уаллахъ“. Это „въ Уаллахъ“ для большинства—чистая тарабарщина, но и тотъ, кто, обратившись къ англійскому подлиннику (*Madoc in Wales*), знаетъ, что Пушкинъ написалъ „въ Уаллахъ“ вмѣсто „въ Уэльсѣ“, недоумѣваетъ, какъ могло быть допущено Пушкинымъ такое странное написаніе¹⁾.

Конечно, Пушкинъ тутъ не свободенъ отъ неточности и притомъ двойкой: прочелъ *a* въ англійскомъ названіи *Wales* за *a*, а не за *э*, и удвоилъ зачѣмъ-то *л*. Но такъ ли ужъ велика эта вина? Нечего повторять, что Пушкинъ выучился по-англійски самоучкою, и выговоръ его былъ плохъ. Нельзя забывать, что начертаніе и произношеніе *Уэльс* появилось у насъ довольно поздно, въ пушкинское же время обычно говорили „Валисѣ“, а писали иногда и „Валлисѣ“, даже „принцъ Валлійскій“. Кстати сказать, произвольное удвоеніе *л* на письмѣ — застарѣлая наша болѣзнь: Илларіонъ, Иллиодоръ, Иллиада, привиллегія, диллетантъ. Слѣдовательно, *алл* у Пушкина въ данномъ случаѣ не личная его ошибка, а лишь повтореніе привычныхъ ошибокъ.

Но, попытавшись пустить вм. *Валлис* а новообразование *Уаллы*, т. е. перемѣнивъ начальный и конечные звуки въ русской транскрипціи имени *Wales*, Пушкинъ несомнѣнно сдѣлалъ два рѣшительныхъ шага впередъ.

Первому шагу Пушкина мы давно уже пошли навстрѣчу: *Уэльс*, *Уорренъ*, *Гелсуорси* и т. п.; а такія начертанія, какъ *Вашингтонъ*, *Вордсвортъ*, *Вальтеръ Скоттъ*, — все это обломки старины.

Если же второму шагу Пушкина мы не послѣдовали, то въ этомъ вина уже не его, а наша. Когда-то намъ въ русскомъ воссозданіи чу-

¹⁾ Н. В. Яковлевъ въ замѣткѣ „Пушкинъ и Соути“ (Пушкинъ въ міровой литературѣ. Сборникъ статей, 1926, стр. 150) говоритъ: „Никто изъ комментаторовъ не обратилъ вниманія на странную ошибку Пушкина, переведшаго имя „*Wales*“ (*Уэльс*) какъ „*Уаллахъ*“. Но объяснить эту ошибку авторъ замѣтки не попытался.

жихъ собственныхъ именъ удавалось справляться съ иноязычнымъ множественнымъ числомъ: Аѳины, Дельфы, Эивы, Сарды, Канны, даже Нидерланды. Но потомъ мы сбились; стали писать и произносить: Антверпен (ср. чешское Antverpu), Бремен (ср. чешское Brémy), пампасы, сельвасы и льяносы (вм. пампы, сельвы и льяны; rampas, selvas, llanos — мн. ч.), г(в)ерильясы (вм. герилы, маленькія войны), рельсы (rails — мн. ч.), кексы (cakes, но един. ч. cake), бифштексы (beefsteaks — мн. ч.; ср. франц. biftek). Пушкинское „въ Уаллахъ“ и есть попытка вернуться къ правильному — „въ Аѳинахъ“. Хотя бы и не раздѣлять мнѣнія, что такія попытки должны быть привѣтствуемы, хотя бы и считать, что онѣ безнадежны, и тогда пушкинская строчка, надъ которой мы задержались, не плодъ незнанія или небрежности, а свидѣтельство, какъ вдумчиво Пушкинъ работалъ надъ роднымъ языкомъ.

Особенность Пушкина въ томъ, что онъ во всемъ кратокъ и нигдѣ не ставитъ ребромъ своихъ достижений, а для насъ понимать съ полуслова и догадываться безъ подчеркиванія трудно.

II. О ПУШКИНСКИХЪ УДАРЕНИЯХЪ.

Уже давно, пытаясь разобраться въ прихотяхъ русскаго ударенія, сталъ я обращаться къ стихамъ конца XVIII и первой половины XIX в., этому и на письмѣ звучащему фонографу когда-то живой ударяемости. Многіе отмечаютъ помощь стиховъ, считая ихъ пособіемъ ненадежнымъ въ виду возможности обмануться стихотворными вольностями. Но такую опасность не слѣдуетъ преувеличивать: если не только читать, а еще и вчитываться, сопоставляя стихи разныхъ поэтовъ и разные стихи одного и того же поэта, то едва ли ошибешься, заключая, напр., что „въ толпѣ избранной“ (Евг. Онѣгинъ), „покой повсюду несказанный“ (у Жуковскаго), „жемчугъ“ (у всѣхъ старыхъ поэтовъ, даже у А. К. Толстого) — памятники прежняго ударенія, тогда какъ „пройдетъ“ (Бор. Годуновъ), „таинственно слита“ (у Жуковскаго), „объружи счастьемъ“ (у Лермонтова), „не свѣтила луна“ (у Тургенева) — произвольное смѣщеніе ударенія, вталкиваніе въ размѣръ такого слова, которое туда не укладывается.

Стихи Пушкина — особенно важное подспорье для размышляющихъ надъ удареніемъ въ русскомъ языкѣ: Пушкинъ не только великій поэтъ, но и блестящій мастеръ стихослагательства; „запросто жили“ съ Пушкинымъ не однѣ риѣмы, о чемъ говорилъ ему самъ, но и всѣ тонкости стихотворческой техники; не диво, что ему лишь изрѣдка представало искушеніе смѣстить удареніе ради размѣра: „позволено“ (Евг. Онѣгинъ), „надъ губой“ (Пажъ), „колоколъ“ (Бор. Годуновъ) и т. п. у Пушкина положительно тонуть въ морѣ удареній или безупречныхъ или звучавшихъ вокругъ него. Ни „днѣвнымъ свѣтиломъ“ ни „музыкою“ этого не опровергнуть: тогда было за обычай въ сочетаніи какъ разъ „днѣвное свѣтило“ ставить удареніе на е (ср. наше „о́кружный судъ“, хотя во всѣхъ иныхъ случаяхъ „о́кружной“), а „музыка“

(съ итальянскимъ удареніемъ: musica) вытѣснило „музыку“ (съ удареніемъ французскимъ: musique) лишь послѣ Пушкина; да и что мѣшало бы ему написать: „Я музыку разъялъ какъ трупъ“ (Моцартъ и Сальери) и „Громъ музыки не призываетъ насъ“ (Бор. Годуновъ), если бы онъ произносилъ, какъ мы теперь: музыка? Не показательны и колебанія Пушкина въ удареніяхъ: „граждане“ и „граждане“ (Бор. Годуновъ), „знамена“ (Наполеонъ на Эльбѣ) и „знамена“ (Мечтатель), „удалой“ (Городокъ) и „удалый“ (Делибашъ), „недвижимъ“ (Полтава, Герой) и „недвижимъ“ (Евг. Онѣгинъ), „на холмѣ“ (Русланъ) и „на холмѣ“ (Вѣщ. Олегъ) и т. п. объясняются просто разноударяемостью этихъ словъ и въ повседневномъ употребленіи.

Моя записная книжка — наглядное свидѣтельство, какъ поучительны пушкинскія ударенія. Изъ нея и почерпнуты краткія выписки, предлагаемыя вниманію читателей.

1. Есть въ „Бор. Годуновѣ“, въ сценѣ Григорія со злымъ чернецомъ, стихъ: „... мнѣ путь-дорога на четыре стороны“. Нерѣдко приходится слышать, что это такая же вольность, какъ и „колоколъ“ шестью строками выше. Теперь дѣйствительно часто говорятъ: обѣ, четыре стороны. Но правъ, конечно, Пушкинъ, а не возражатели: всѣ стороны (мн. ч.), но двѣ, три, четыре, обѣ стороны (род. ед. ч. вмѣсто имн. дв. ч.). Говоримъ же мы: на всѣ руки, но: въ четыре руки; переломалъ ноги, но: пустился въ три ноги. И, однако, путаница въ такихъ сочетаніяхъ началась еще до Пушкина; по крайней мѣрѣ, у него встрѣчается: „обѣ руки“ (Сказка о мертвой царевнѣ) и „оба наши сокола“ (Сказка о золотомъ пѣтушкѣ)¹⁾.

2. Односложныя (въ имн. пад. ед. ч.) существительныя ж. р. на -ѣ отдаютъ удареніе на падежное окончаніе только въ предложномъ падежѣ ед. ч., когда онъ имѣетъ значеніе мѣстнаго (о кости, но въ кості; зараженіе крови, но храмъ Воскресенія на крові; много чести, по чести, но въ чести у царя), и въ род., дат., вин. = род., твор. и предложномъ мн. ч. (зыбѣй, ногамъ, сельдѣй, дверями и дверьми, о грязяхъ, на костяхъ). Отъ этого рѣчь людей образованныхъ допускаетъ отступленія двоякаго порядка; съ одной стороны — мы боимся отдачи ударенія на конецъ и говоримъ, напр.: во второй части своей книги (ср. народное: ночеваль въ части) онъ высказалъ много дѣльныхъ мѣслей (ср. мѣщанское: мыслѣй); съ другой же — отдаемъ удареніе тамъ, гдѣ не слѣдовало бы, и говоримъ, напр.: переломъ кості (род. ед.), прижалъ къ груди (дат. ед.), преданія о древней Русі (предл. ед. не въ значеніи мѣстнаго), изъ Твери, плаваль по Томі (утонулъ, конечно, въ Томі, но плаваль по Томі). Пушкинъ соблюдалъ отдачу ударенія въ предл. = мѣстн. ед.: „потопилъ въ крові“ (Бова), „въ пылі, средь копій и мечей“ („Хотѣлъ я душу освѣжить“), „я въ ночи сюда прокралась“ (Полтава),

— — —

¹⁾ И еще: „три сосны“ („Вновь я посѣтилъ“); но стихъ: „на вѣтви сосны преклоненной“ (Евг. Онѣгинъ) показываетъ, что Пушкинъ или произносилъ „сосна“ или допускалъ тутъ вольность.

„о, если правда, что въ ночь“ (Заклинаніе), „на раненой груди“ (Городокъ), „на груди твоей погасъ“ (Къ молодой вдовѣ)¹⁾; зналъ онъ и то, что въ род. и дат. ед. удареніе остается на корнѣ: „тогда во славу Русі ратной“ (Олеговъ щитъ), „съ груди прекрасной (Измѣны), „бѣлой груди колебанье“ (Къ Натальѣ), „и груди трепетанье“ (Фавнъ и пастушка), „ты къ груди не прильнешь моей („Подъ вечеръ, осенью ненастной“), „къ груди грудью страстной“ (Городокъ), „бродить по груди страстной“ (Фавнъ и пастушка). Но уже и Пушкинъ сталъ сбиваться въ удареніи: „какая честь для насъ, для всей Русі“ (Бор. Годуновъ), „по всей Русі великой“ (Памятникъ), „съ бѣлой зори до ночи“ (Сказка о мертвой царевнѣ), „съ печи тихохонько прыгнула“ (Гусарь), „прижать къ груди въ послѣдній разъ“ („Подъ вечеръ“), „пускай оно груди коснется“ (Къ письму)²⁾.

3. Склоненіе им. существительныхъ ж. р. (и м. р.) на *-á* и *-я* распадается въ отношеніи ударенія на три разряда: 1) есть слова съ неподвижнымъ удареніемъ, каковы: княжнá, ступнѣя (такихъ словъ мало и становится все меньше), 2) есть слова съ выносомъ ударенія во всѣхъ падежахъ мн. ч., каковы: игрá, иглá и т. п., во мн. ч.: и́гры, и́грамъ и т. д., и́глы, и́гламъ и т. д., 3) есть, наконецъ, слова съ выносомъ ударенія только въ имн. мн. ч., какъ напр., серьгá, серьгí и т. д., имн. мн. сѣрѣги, но затѣмъ сѣрѣгъ, сѣрѣгамъ и т. д. (такихъ словъ становится все больше: ср. легкія стопы ногъ и всѣ стопы бумаги; чаще и чаще слышится: толпы, кúмы); къ тому же надобно добавить, что въ нѣкоторыхъ словахъ третьяго образца удареніе выносится и въ вин. ед. ч.: рúку, нóгу и т. п. (и этотъ выносъ учащается: трáву, вѣсну, скáлу). Когда перечитываешь Пушкина, то видишь, какъ еще онъ относитъ къ первому изъ указанныхъ выше разрядовъ тѣ слова, которыя мы привыкли — совсѣмъ или почти — причислять къ третьему: „мрачныя скалы“ (Обвалъ)³⁾, „горшки, скамьи, столы“ (Гусарь), „вѣчныя струи“ (Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ), „судьбы соединили“ (19 октября 1836 г.), „вездѣ бѣды застану“ (къ Дельвигу)⁴⁾. Но мало того, — Пушкинъ оказывается совершенно чуждымъ все болѣе укореняющейся въ наше время ошибкѣ увеличивать число словъ второй категоріи и говорить: острóтамъ, стрáнамъ, вóдамъ, глáвамъ, звѣздамъ, сѣстрамъ (хотя род. мн.: сестѣръ; ср.

¹⁾ Встрѣчается, правда, и такое удареніе, какъ: „... въ грусти томный духъ“ (Городокъ); но „въ грусти“ — выраженіе книжное (по народному: въ грустѣяхъ) и тутъ нами овладѣваетъ робость передъ отдачею ударенія уже окончательно (ср.: въ мѣсли, въ рѣчи).

²⁾ Причислить сюда же стихи: „все ходить по цѣпи кругомъ“ (Прологъ къ Руслану) и „летаешь по груди прекрасной“ (Усы) — нѣтъ достаточнаго основанія; вѣроятнѣе, что Пушкинъ произносилъ: по цѣпи, по груди; у него главное (самое властное) удареніе въ четырехстопномъ ямбѣ чаще всего падаетъ на вторую стопу (стихи въ родѣ: „тамъ Озеровъ невольны дани“, „и кланялся непринужденно“ — являются исключеніемъ).

³⁾ Такъ же и у Тютчева: „какъ кимвалы, звучали скалы“; но у А. К. Толстого уже: „вы все любуетесь на скалы“.

⁴⁾ И у Дмитріева: „любовь родитъ бѣды“.

пословицу: всѣмъ сестрамъ по серьгамъ), зѣмлямъ (хотя род. мн.: земѣль). У Пушкина: „на помраченныхъ высотѣхъ“ (Наѣздники), „по скаламъ“ („Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“), „близехонько къ волнамъ“ и „съ бурными волнами“ (Мѣдный всадникъ), „слугамъ велить“ (Воевода), „объявить ихъ старшинамъ“ (Бонапартъ и черногорцы), „не внемлющихъ судѣй“ (Мѣдный всадникъ).

4. Имена существительныя ср. р. на -о и -е, если и отдають назадъ или выносятъ впередъ удареніе, то лишь во мн. ч.: войско, войска, вѣйску и т. д., но войскá, войскáмъ и т. д., и, наоборотъ, стеклѣ, стеклá и т. д., но стѣкла, стѣколъ, стѣкламъ и т. д. Но мы говоримъ: съ утра, до утра, даже поутрú, хотя оставили въ неприкосновенности: úтромъ. Такое своеобразное смѣщеніе ударенія есть еще въ готовыхъ словосочетаніяхъ: полчаса, четверть часа, дать разá, положить шарá. У Пушкина уже есть „съ утра“ (На выздоровленіе Лукулла, Сказка о мертвой царевнѣ), но онъ говорилъ не „поутрú“, а „поутру“ (Дорожныя жалобы, Странникъ, На картинки къ „Евг. Онѣгину“).

5. Односложныя (въ имн. пад. ед.) им. существительныя м. р. на -ѣ, -ь и -й или вовсе не отдають ударенія назадъ при склоненіи (напр., толкъ), или же отдають его, начиная: а) съ род. мн. (напр., волкъ), б) съ имн. мн. (напр., шелкъ) и в) даже съ род. ед. (напр., полкъ). Но конь (и гвоздь), отдавая удареніе на конецъ съ род. ед., дѣлаетъ исключеніе для имн. мн.: кони (и гвѣзди). Чѣмъ объяснить это исключеніе? Пушкинъ, говорившій въ род. ед. (и въ вин. ед.) коня (Зимнее утро, „Зима. Чтѣ дѣлать намъ въ деревнѣ?“), Бѣсы) и въ имн. мн. кони (Бѣсы), допускалъ удареніе на первомъ слогѣ еще въ дат. мн. конямъ (Бѣсы). Произволь? Но вспомните пословицу: баба съ возу, конямъ легче. А съ другой стороны — у Жуковскаго: взвились кони и трубы зазвучали. Въ соединеніи съ этими данными, пушкинское удареніе наводитъ на мысль, что могло быть прежде: конь, коня и т. д., кони, коней и т. д. (какъ комонь), и что форма имн. мн. кони удержалась и тогда, когда возобладали: коня, коней¹⁾.

6. Если краткая форма прилагательныхъ въ ж. р. и въ ед. ч. отдаетъ удареніе на конецъ слова, то въ ср. р. ед. и во мн. ч. удареніе остается тамъ же, гдѣ стоитъ въ м. р. ед. ч.: хѣлодень, хѣлоднá, хѣлодно, хѣлодны. Живая рѣчь, однако, давно стала сбиваться: свѣтель, но свѣтлѣ, свѣтлѣ, какъ свѣтлá; бѣлѣ, бѣлѣ, какъ бѣлá. Теперь постоянно слышится: должнѣ, нужнѣ, виднѣ, старѣ, старѣ, чистѣ и т. п.; нерѣдко также: новѣ, правѣ, кривѣ. Уже у Грибоѣдова: „дома новѣ“ (впрочемъ: „но предразсудки старѣ“). Пушкинъ допускалъ: „бѣлѣ“ (Евг. Онѣгинъ), но въ остальномъ держался правила: „сильны“, „чѣсты“, „не властны“ (Бор. Годуновъ).

7. Глаголы 2 спряженія съ удареніемъ въ неопредѣленной формѣ на концѣ дѣлятся, чтѣ касается ударенія въ настоящемъ времени, на три разряда: 1) съ неподвижнымъ удареніемъ: кричú, кричѣшь и т. д.,

¹⁾ Гвѣзди (вм. гвоздѣ) можно объяснить вліяніемъ формы гвѣздѣ или гвѣздя.

свищу́, свисти́шь и т. д., браню́, брани́шь и т. д., 2) съ выносомъ ударенія во 2 и 3 лицѣ ед. ч. и во всѣхъ мн. ч.: учу́, учи́шь и т. д., ловлю́, лови́шь и т. д., 3) съ колеблющимся удареніемъ: цѣни́шь и цѣнишь, ка́тишь и ка́тишь и т. п. Третья группа образовалась, повидимому, изъ первой подъ вліяніемъ второй, какъ равно и глаголовъ I спряженія въ родѣ: пашу́, па́шешь, скачу́, ска́чешь, лижу́, ли́жешь и мн. др. Такой сдвигъ ударенія во 2 спряженіи Пушкину мало извѣстенъ; можно указать на рѣдкіе примѣры: „навстрѣчу ва́литъ“ (Сказка о царѣ Салтанѣ), „капусту са́дитъ“ (Евг. Онѣгинъ), „кѣпитъ“ (Полтава); обычно же у Пушкина глаголы, относимые теперь къ третьей категоріи, сохраняютъ удареніе на концѣ: „не измѣни́мъ присягѣ“ (Бор. Годуновъ)¹⁾, „слегка Шекспира не цѣни́шь“ (Калмычкѣ)²⁾, „она мани́тъ его рукою“ („Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ“), „опять меня мани́шь“ („Цѣнитель умственныхъ твореній“), „она мани́тъ, она поѣтъ“ (Русланъ и Людмила)³⁾, „усть крути́шь рукою“ (Усы), „главу ихъ заслони́шь“ („Вновь я посѣтилъ“). . . . .

---

¹⁾ У Лермонтова уже есть выносъ ударенія: „клялся, что вѣчно не измѣнить“.

²⁾ У Лермонтова удареніе тутъ уже колеблется: „не оцѣни́тъ тоски твоей“ и „но слезъ твоихъ онъ не оцѣни́тъ“.

³⁾ У Боратынскаго также: „въ свой домъ она мани́тъ“, но у Лермонтова: „насъ ма́нишь подъ хладною мглой“.

РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПРАГѢ

**ПУШКИНСКІЙ
СБОРНИКЪ**

1929

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА